

Вырезка из газеты

КОММУНИСТ

от

Саратов

Газета №

ГЕНИАЛЬНЫЙ НАРОДНЫЙ МУЗЫКАНТ

346
«Знаете, дорогой мой друг, что я еще не встречал человека, более меня влюбленного в матушку Русь... Я страстно люблю русского человека, русскую речь, русский склад ума, русскую красоту лиц, русские обычаи», — пишет Чайковский во время одной из своих поездок за границу. Горячей любовью к своему народу, к русской природе, ко всему, что связано с родной страной, проникнуто его творчество.

Большинство опер Чайковского написано на сюжеты из русской жизни: историко-бытовые («Воевода», «Чародейка»), исторические («Опричник», «Мазепа»), народно-бытовые («Кузнец Вакула», или в более поздней редакции — «Черевички»), близкие современной ему эпохе («Евгений Онегин», «Пиковая дама»). В гениальной музыке его по-новому возрождается образ русской женщины, воспетой великими классиками русской литературы. Чистая, нетронутая натура Татьяны («Евгений Онегин») раскрывается в пронзительной музыке этого глубокого знатока человеческих душ. Лется из уст Лизы печальная жалоба простой русской девушки на горькую девичью долю («Пиковая дама»). Стихийной силой могучего русского народа веет от манящего женственно прекрасного образа независимой, вольнолюбивой чародейки Насти («Чародейка»).

Чайковский был неразрывно связан с родной природой. Она будила в нем теплые воспоминания о далеком золотом детстве. Воткинск с его холмистыми далями и синеватыми на горизонте вековыми лесами, с глубоким, на несколько десятков верст тянущимся прудом, с народными песнями и старинными сказаниями, как живой вставал перед ним. Родная природа подсказывала ему полные бесконечной выразительности мелодии, навевала музыкальные образы. «Отчего простой русский пейзаж, отчего прогулка летом в России, в деревне по полям, по лесу, вечером по степи, бывало приводила меня в такое состояние, что я ложился на землю в каком-то изнеможении от наплыва любви к природе, от тех неизъяснимо-слабких и опьяняющих ощущений, которые навевали на меня лес, степь, речка, деревня вдаль...», — говорит композитор в письме из Италии (1878 год). В связи с нервным потрясением, вызвавшим тяжелое и длительное заболевание, ему пришлось надолго уехать за границу. Но ни роскошная природа Италии с ее кипарисами и оливковыми рощами, ни богатые краски Швейцарии не могли заглушить в нем глубокой любви к «простому русскому пейзажу». Как часто под сверкающими лучами теплого солнца итальянской зимы, под ослепительными сводами вечно голубого неба с тоской таялся он к суровой русской зиме, вспоминает чудесную северную весну, внезапно и властно разрывающую зимние оковы.

Его «Зимние грезы» (1-я симфония), фортепианные пьесы «Времена года» и другие произведения, навеянные природой, проникнуты глубоким душевным теплом и подлинной народностью. Они волнуют, как тонкие пейзажи Левитана. Музыкальный язык их тесно связан с народным творчеством. Однако не следует думать, что обращение Чайковского к богатейшей народной-песенной сокровищнице ограничивается лишь произведениями, связанными с природой. Их не так уж много, между тем в большинстве его симфонических, оперных и даже камерных произведений звучат элементы народной песни, ее мелодические обороты.

В трех первых своих симфониях и начатой в Москве IV симфонии, в операх «Воевода», «Кузнец Вакула», «Опричник», в музыке к «Снегурочке» Островского, в фортепианном концерте, в трех струнных квартетах, романах и пьесах — во всех этих произведениях, созданных композитором в Москве, чувствуется огромное влияние народной песни.

Культом народной песни был чрезвычайно распространен среди московской интеллигенции 60—70-х годов. Члены московского артистического кружка, где собирались видные представители театра, литературы и музыки, культивировали собрание и записывание с голоса народных песен. Драматург Островский, артист Малого театра Пров Садовский и другие московские приятели Чайковского были большими любите-

лями и знатоками народного творчества, любили и сами петь русские песни. Молодой композитор жадно впитывал в себя эти новые влияния, тем более, что они падали на благодарную, подготовленную еще детскими впечатлениями почву. Очень хорошо говорит об этом сам Чайковский в одном из писем к Н. Ф. фон-Мекк: «Что касается вообще русского элемента в моей музыке, т. е. родственных с народной песней приемов в мелодии и гармонии, то это происходит вследствие того, что я вырос в глуши, с детства, самого раннего, проникся неизъяснимой красотой характеристических черт русской народной музыки, что я до страсти люблю русский элемент во всех его проявлениях, что, одним словом, я русский в полнейшем смысле этого слова».

Уже в первом крупном произведении композитора — в симфонии «Зимние грезы» — звучит народная песня «Швели цветики». С 1868 года Чайковский обрабатывает для фортепиано в четыре руки 50 народных песен, частью заимствованных из разных сборников, частью записанных им с голоса у московских друзей. В музыке к весенней сказке Островского «Снегурочка» использовано одиннадцать народных песен. 2-ю симфонию Чайковского по насыщенности ее украинскими фольклором можно смело назвать украинской. Поэтичные украинские веснянки, колядки, многочисленные попевки заполняют своим ароматом оперу «Кузнец Вакула». Во время своих наездов в Каменку, Киевской губернии, где жила сестра Чайковского — Александра Ильинична Давыдова, композитор успел полюбить звучную, певучую и нежную, подчас немного меланхолическую украинскую песню. Он богато использовал ее и в ранних и в более поздних своих произведениях.

Часто он включал в свои произведения песни, им самим непосредственно от крестьян записанные. Замечательная песня «Коса ль моя, косынька», использованная Чайковским в «Воеводе», а потом в «Опричнике», записана им была в деревне Мазилово под Кунцевом. Услышав от калужского плотника песню «Сидел Ваня на диване», он создает на ее основе свое поэтическое, знаменитое «Андале кантабилье» первого квартета. Своеобразный мерный напев, распространенный среди украинских слепцов, он разработал в 1-й части своего чудесного фортепианного концерта.

Очень ревниво относился Чайковский к чистоте стиля и художественности исполнения народных песен. Он понимал, насколько трудно и в то же время необходимо записывать песню так, как ее поет сам народ, со всем ее своеобразием. «Это... требует, — говорит он, — самого тонкого музыкального

чувства и большой музыкально-исторической эрудиции».

Песня — этот «драгоценнейший образец народного творчества» является для Чайковского богатым источником вдохновения и материалом, из которого он черпает свои многообразные мелодии. «Русская песня, — говорит он, — ... это... семя, из которого художник может, при условиях таланта и знания, вырастить роскошное дерево... Художник-музыкант и есть по отношению к русской песне тот садовник, который знает — в какую почву, в какое время и при каких условиях температуры должен посадить свое драгоценное семя». Народная песня лишь в редких случаях определяет характер его композиции в целом, а служит, главным образом, тематическим материалом, которым композитор свободно, творчески располагает. Народную песню он подчиняет своему собственному творческому замыслу. Народная песня во всем ее многообразии и ритмическом богатстве часто помогает ему раскрыть замысел произведения.

В 1885 году Чайковский поселился в Майданове, близ Клина. Вскоре он перенесся к крестьянам окрестных деревень. С глубоким сочувствием говорит он об их нищете и безотрадно тяжелых условиях жизни: «Избы в здешней деревне самые жалкие, маленькие, темные; духота в них должна быть ужасная, и когда вспомнишь, что они восемь месяцев должны прожить в этой темноте и тесноте, сердце сжимается. Не знаю почему, но народ здесь особенно бедный. Земля по разделу с помещицей им досталась ужасная — голый песок; лесу нет вовсе, заработка никакого, так что большинство бедствует... Жалко смотреть на этих детей, обреченных жить материально и умственно в вечном мраке и духоте. Хотелось бы что-нибудь сделать, и чувствуешь свое бессилие».

Только благодаря энергичным стараниям Петра Ильича и крупной денежной сумме, которую он ежегодно давал крестьянам, удалось открыть в Майданове сельскую школу.

Наблюдая жизнь крестьян, Чайковский всегда удивлялся тому, что они никогда не теряют веры в жизнь. Этот бессмертный народный оптимизм привлекал композитора. С исчерпывающей ясностью формулирует эту мысль сам композитор в программе к финалу IV симфонии: «Если ты в самом себе не находишь мотивов для радостей, смотри на других людей. Ступай в народ. Смотри, как он умеет веселиться, отдаваясь безраздельно радостным чувствам». В простых и здоровых чувствах народных, в могучей жизненности народа искал Чайковский источник жизни.

И. РАЦКАЯ